

## ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

*Борис Юдин*

### Человек и социальные институты

Последние десятилетия прошлого века и начало века нынешнего основательно изменили жизнь человека и общества. Социальные институты, посредством которых обеспечивается — в большей или меньшей степени — определенность, заданность, если угодно, канализованность человеческого бытия, претерпевают радикальные трансформации. И это касается не одного-двух институтов, но, как представляется, самих институциональных оснований жизни и деятельности общества. Очевидно, такого рода трансформации не могут не оказывать самого глубокого влияния не только на условия и обстоятельства, но и на саму суть человеческого существования.

Следует при этом отметить, что наша страна испытывает одновременное воздействие двух волн институциональных преобразований. Во-первых, речь идет о тех изменениях, которые в большей или меньшей мере затрагивают все страны и регионы глобализирующегося мира. Поток новейших научно-технических достижений, бурное развитие современных средств коммуникации, трансформации социально-экономической карты мира, включая появление новых центров экономической мощи — все это самым непосредственным образом сказывается на жизни россиян.

Во-вторых, не менее глубокие преобразования претерпевают и социальные институты российского общества — экономические, правовые, образовательные, силовые и т.д. и т.п. Все

эти перемены выступают в качестве фактора, порождающего, с одной стороны, новые возможности и новые степени свободы для отдельного человека. С другой стороны, однако, они генерируют и новые сферы нормативной неопределенности — аномии, а следовательно, вызывают достаточно широко распространенные стрессы и фрустрации.

В данной статье я хотел бы выдвинуть следующий тезис. Современные процессы де- и реинституционализации побуждают задуматься о том, что мера институциональной определенности человеческого бытия, вообще говоря, не есть некоторая константа, равно проявляющая себя на всех этапах человеческой истории. Иными словами, характер, а возможно, и меру социальности имеет смысл рассматривать в качестве переменных.

В немалой степени это является следствием научно-технического прогресса, прежде всего — того, что происходит в сфере информационно-коммуникационных технологий. Немецкий социолог Нико Стер, описывая изменяющуюся роль знаний в социальной жизни, то, что принято характеризовать как становление общества знания, отмечает, что наряду с трудом и собственностью (капиталом) знание превращается в один из конститутивных механизмов общества<sup>1</sup>. В таком обществе у все большего количества индивидов формируется то, что Стер характеризует как «способность к знанию» (knowledgeability) — способность не просто приобретать, но прежде всего эффективно использовать знания.

Развитие такой способности на уровне индивида сопровождается снижением эффективности крупных социальных институтов: «Уменьшение способности больших институтов налагать свою волю связано с повышением у индивидов и малых групп способности действовать в обществе, например, их способности говорить «нет» или мобилизовывать эффективные стратегии для утверждения своих позиций»<sup>2</sup>.

\* \* \*

Выдающиеся научные достижения ныне обрушиваются на человечество буквально лавиной: действующие в современном обществе социально-экономические механизмы позволяют в

кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новых технологиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни. При этом образующие ее структуры по мере своего обновления становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам; последние же, в свою очередь, непрерывно генерируют импульсы, которые преобразуют не просто внешние условия, но и само содержание, саму суть бытия человека и общества.

Сегодняшнему человеку приходится обитать среди существенно иных реалий, чем его предшественнику. Ныне ему подвластны разнообразнейшие технологии и устройства, наделяющие его таким физическим и интеллектуальным могуществом, которыми прежде не обладали даже боги. Принципиально важно то, что для овладения всем этим арсеналом не требуется каких-то специальных дарований — он доступен и рядовому обывателю. Непрерывно возникают все новые средства, которые не только позволяют человеку компенсировать дефицит собственных ресурсов, но и открывают перед ним совершенно новые пространства для развития и реализации собственных возможностей. Сегодня есть все основания констатировать, что именно *всемерное расширение человеческих возможностей стало — и в обозримом будущем продолжит оставаться — главным вектором научно-технического прогресса.*

Парадоксальным образом, впрочем, усиливая собственное могущество, человек в то же самое время становится все более уязвимым. Мы уже начинаем привыкать к тому, что причиной большинства техногенных катастроф оказывается пресловутый «человеческий фактор», что свидетельствует: 1) о мощи, которой обладают сегодня многие решения и действия *отдельного человека*; 2) о том, что сам человек *психически и морально не готов* к тому, чтобы совладать с собственной мощью.

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к расширению таких сфер жизни общества, которые критическим образом зависят от надежного, устойчивого функ-

ционирования информационных систем и комплексов. Вместе с тем прогресс этих технологий уже породил новые социальные феномены, новые риски: компьютерную преступность, компьютерный терроризм, информационные войны.

Не менее впечатляющими выглядят перспективы современных биологических, прежде всего — генно-инженерных технологий. Они уже сегодня широко используются для получения множества изделий промышленного, сельскохозяйственного, медицинского, бытового назначения. В перспективе же — не только моделирование и коррекция процессов, происходящих в живой природе, включая организм человека, но и возможность — одними воспринимаемая как торжество человеческого гения, другими — как самая страшная угроза — конструирования человеческих существ с заранее заданными физическими, психическими и интеллектуальными характеристиками (того, что в англоязычной литературе называют *designer baby*)<sup>3</sup>. Подобно тому, как информационно-коммуникационные технологии делают человека более свободным от социальных институтов, биомедицинские технологии во все большей мере начинают восприниматься в качестве средств, позволяющих уменьшить его зависимость от ограничений, налагаемых природой.

Таким образом, научно-технологическое развитие последних десятилетий во все большей мере концентрируется вокруг человека — как в том отношении, что его магистральным направлением становится всемерное расширение человеческих возможностей и открытие для него все новых степеней свободы, так и в силу того, что человек все чаще оказывается критическим звеном многих технологических процессов. Он подвергается опасностям, порождаемым самими же новыми технологиями, которые порой несут угрозу не только его физическому и психическому существованию, но и ставят под вопрос саму его идентичность, а вслед за этим тип и характер самой социальности.

В этой связи принципиальным представляется то обстоятельство, что и международные организации, и большинство стран мира ясно и недвусмысленно провозглашают приоритет человека, его прав и свобод. В частности, именно это утверждается во 2-ой статье Конституции РФ, в соответствии с которой обязанностью государства является «признание, соблюде-

ние и защита прав и свобод человека». Чаще такого рода высказывания понимаются всего лишь как лозунги, декларации, далекие от реального положения дел. И действительно, можно без труда найти тьму эмпирических свидетельств тому, что государство (или те, кто выступают от его имени) не только не исполняет эту обязанность, но, напротив, само нарушает права и свободы собственных граждан.

Существует и еще одно, вполне практическое обстоятельство, требующее от государства и общества более человеческого отношения к человеку. Демографические тенденции сегодня таковы, что население многих странах мира в ближайшие десятилетия будет довольно быстро стареть. Особенно острые формы этот процесс принимает в России, что, помимо всего прочего, приведет к сокращению доли населения в трудоспособных возрастах и повышению нагрузки на трудящихся; человек, таким образом, станет крайне дефицитным ресурсом<sup>4</sup>. Это потребует отказа от вековых стереотипов, согласно которым людской ресурс у нас всегда в избытке — дело только за тем, чтобы его мобилизовать.

\* \* \*

Говоря о воздействии социальных и научно-технических новаций на общество, можно выделить два различных типа такого воздействия: 1) одни из них оказывают непосредственное воздействие в массовых масштабах (как, скажем, законодательное изменение налоговой системы страны); 2) другие затрагивают, хотя бы на первых порах, сравнительно ограниченный круг людей (например, новые репродуктивные технологии). Следует, однако, подчеркнуть, что характеристики риска и возможных угроз, связанные с новациями второго типа, проявляются не только в непосредственных, но также и в опосредованных формах. Они, в частности, могут обнаруживать либо даже провоцировать глубокие и далеко идущие изменения в системе ценностей личности и общества, выступать в качестве основания для новых культурно-ценностно обусловленных размежеваний и конфликтов между людьми и социальными группами и т.п.

Представляется, что вполне возможно ставить вопрос об опережающем реагировании, которое начинается *не после, а до того*, как риск для человеческого потенциала становится очевидным. Возможность такого опережающего реагирования предполагает принятие как минимум двух исходных посылок: 1) *любое* социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное; 2) нередко эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их прогнозирования, а просто в силу того, что на предваряющих или на начальных стадиях их внедрения просто *не было предпринято требуемых для этого специальных усилий*. Из этих посылок следует, что сегодня социально необходимой становится особого рода систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, на наш взгляд, должна быть *гуманитарная экспертиза*<sup>5</sup>.

Комплексное рассмотрение тех разнообразных воздействий, которые испытывает человек, открывает возможности не только для констатации существующих обстоятельств и тенденций, но и для того, чтобы можно было построить целостное представление и о человеческом потенциале, и о совокупном влиянии на него факторов риска самой различной природы. Это представление, в свою очередь, выступает в качестве основания при проведении *гуманитарной экспертизы*.

Гуманитарная экспертиза нацелена на то, чтобы вырабатывать взвешенную оценку воздействия разного рода новшеств — промышленных, сельскохозяйственных, социальных технологий — на состояние человеческого потенциала страны. Многие из этих новых технологий оказывают глубокое воздействие на условия человеческого существования, на окружающую человека природную и социально-психологическую среду, наконец, на его генетическую, физиологическую, психическую и духовно-нравственную конституцию. В силу этого глубокого воздействия они могут быть охарактеризованы как чрезвычайно агрессивные и, следовательно, как потенци-

ально (а зачастую и актуально) опасные при их неконтролируемом распространении и неумелом использовании. Безусловно, такого рода агрессивные технологии чаще всего несут в себе отнюдь не одно лишь негативное начало; напротив, негативные эффекты обычно бывают связаны не с ними самими по себе, а как раз с их неконтролируемым и неумелым использованием. Поэтому в задачи гуманитарной экспертизы входит выявление и оценка как позитивных эффектов новых технологий — в частности, того, в какой мере и в каких направлениях они способствуют расширению человеческих возможностей, — так и возможных негативных последствий их применения.

Часто новые факторы риска создаются решениями и действиями законодательных и исполнительных органов власти, замыслившимися, естественно, с самыми благими намерениями (наиболее характерный пример здесь — кулуарное принятие пресловутого закона № 122 о монетизации льгот и его многообразные последствия). Дело в том, что в ходе реализации этих решений порождаются новые социальные практики и социальные технологии, каждая из которых может достаточно серьезно затрагивать самые разные стороны жизни людей. В задачи гуманитарной экспертизы как раз и входит предвидение и прогнозирование этих факторов риска. Речь, конечно, идет вовсе не о том, что такая экспертиза позволит заранее выявлять все возможные факторы риска. Но принципиально важна сама установка на то, чтобы не просто бороться с уже наступившими негативными последствиями, а стремиться к их систематическому предвидению на тех стадиях, когда предотвращение или коррекция рисков еще не требует объемных и интенсивных усилий со стороны общества.

Кроме того, деструктивные для человеческого потенциала тенденции могут нести с собой некоторые новшества в сфере образования и воспитания; широкое распространение всякого рода новых психопрактик и психодиагностик, способных серьезно деформировать глубинные структуры личности<sup>6</sup>. То же можно сказать и о вторжении в жизнь новых биомедицинских технологий (таких, как технологии клонирования человека, искусственного оплодотворения, генотерапии и генодиагнос-

тики, трансплантации органов и тканей и т.п.) наряду с приобретающей все более значительные масштабы практикой биомедицинского и психологического экспериментирования.

Задача гуманитарной экспертизы выступать формой предварающего, моделирующего «обживания» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств, благодаря которой общество может «заранее» освоить новую технологию.

Разнообразные методы экспертизы достаточно основательно разработаны в современной науке и получили широкое распространение в различных сферах практики: сегодня специальные экспертные службы принимают прямое участие в решении тех или иных народнохозяйственных задач. Широко применяется, скажем, экологическая экспертиза. Еще одна область экспертной деятельности (которая, к сожалению, до сих пор не обрела развитых, систематически организованных форм) — это предварающий комплексный анализ как законопроектов, так и проектов постановлений и решений органов исполнительной власти. Особое внимание стоит обратить на экспертизу научно-технического прогресса (оценку технологий).

Основные процедуры *гуманитарной экспертизы*, такие, как широкое междисциплинарное обсуждение конкретных решений и проектов, согласование разнонаправленных интересов и т.п., не есть нечто неведомое и экзотическое; напротив, они чрезвычайно широко используются людьми во множестве самых разнообразных практических ситуаций. Эффективность же гуманитарной экспертизы во многом определяется её систематичностью и целенаправленностью. В целом следует отметить, что концептуальное и методологическое обоснование как общих принципов, так и средств осуществления гуманитарной экспертизы — это то, что требует дальнейшей проработки.

\* \* \*

В предыдущем изложении в качестве объекта мы имели в виду, прежде всего, научно-технические или социальные новации. Однако объектом экспертизы может быть состояние (а также и динамика изменения) человеческого потенциала России в целом.

Вообще говоря, всякое новшество, входящее не только в производственные процессы, но и в наш быт, и в социальную практику, можно рассматривать как некоторый «предмет» (даже при фигуральном понимании этого термина применительно, скажем, к социальной жизни). Однако такое «предметоцентрическое» понимание нередко оказывается чересчур узким, ибо это новшество есть не только определенный предмет, но и определенные способы, практики его применения, оперирования с ним и т.п. И на личностном, и на социальном уровне именно эта сторона дела и является наиболее существенной, поскольку последствия для человека и общества обычно порождает не сам предмет, а сопряжённые способы взаимодействия с ним, те результаты, к которым ведут эти наши взаимодействия, и, наконец, те изменения в нас самих, которые вызываются этими взаимодействиями. Иначе говоря, мы имеем дело не просто с самими по себе предметами, но с сопряжёнными с ними технологиями.

Впрочем, не только в онтологическом, но и в методологическом отношении в процессе гуманитарной экспертизы имеет смысл обращаться не к предметам, а к технологиям, поскольку при таком подходе мы только и можем осмысленно выделять и факторы риска, и те параметры, на которые можно воздействовать и которые можно изменять. Именно технологии (в том числе социальные нововведения) — в отличие от изолированных предметов — обладают теми свойствами комплексности и целостности, которые и позволяют их рассматривать в качестве объектов при проведении гуманитарной экспертизы. Источник технологических новаций — сама социальная практика, поэтому важным является применение предваряющей гуманитарной экспертизы к технологиям, порождаемым решениями и действиями властных структур. По отношению к ним представляется вполне естественным, а во многих случаях — и просто необходимым, предвидеть и корректировать как прямые, так и опосредованные, отдаленные неблагоприятные последствия, в конечном счете направленным и на человека.

И, наконец, последнее соображение об объекте гуманитарной экспертизы. Было бы неверно трактовать экспертизу всякой новой технологии как одноразовое мероприятие. Характер-

ным примером в этом смысле является история компьютеризации и ее человеческих и социальных последствий. В этой истории можно уже выделять целые этапы, характерные сменой фокуса гуманитарного анализа, в котором последовательно оказывались то опасности порабощения человека машиной, то связанная с компьютеризацией угроза безработицы, то изменения человеческого интеллекта в процессах взаимодействия человека с компьютером.

Одной из основных целей гуманитарной экспертизы является определение и оценка факторов риска, которые потенциально или актуально несет в себе экспертируемая технология, и поиск возможных корректирующих воздействий. Не менее важно, однако, и то, чтобы одновременно экспертиза была нацелена на выявление заложенных в этой технологии новых возможностей для развития и реализации человеческого потенциала. С этой — методической — точки зрения результатом экспертизы является итоговый баланс, суммирующий взвешенные положительные и отрицательные оценки различных аспектов технологии и сопровождающийся представлением возможных корректирующих воздействий. Исходя из высказанных соображений об объектах, субъекте, целях и задачах гуманитарной экспертизы, имеет смысл остановиться специально на вопросе о возможном ее месте и статусе в структуре решений и действий органов государственной власти.

Если в общей оценке сложившегося в стране положения попытаться отвлечься от того, что говорится под влиянием политических пристрастий или диктуется идеологическими предпочтениями, то можно будет констатировать наличие угрожающе высокого уровня риска, которому подвергается сегодня человеческий потенциал страны. Все это, на наш взгляд, чрезвычайно актуализирует задачу научного обоснования и введения в стране в широких масштабах гуманитарной экспертизы принимаемых государственных решений, федеральных и региональных программ, проектов, инициатив. Такая экспертиза могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной и культурной политики государства, а также определения приоритетов ее жизненно важных направлений.

Средства, методы и процедуры, характерные для гуманитарной экспертизы, принципиально не отличаются от аппарата, используемого в других видах и формах экспертизы. Специфика выражается в том, что для гуманитарной экспертизы характерно особое соотношение специальных, технических моментов, с одной стороны, и того, что относится к сфере ценностей — с другой, поскольку материя, с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, — это именно интересы и ценности, т.е. то, что определяется человеческой субъективностью. Поэтому для гуманитарной экспертизы принципиальное значение имеет то, что она строится как диалог, как коммуникация индивидов и групп, обладающих существенно различающимися интересами и ценностными установками. В этом смысле она выступает как механизм согласования, выработки компромиссных решений и способствует выходам на более фундаментальные уровни общих интересов, выработки платформ, на которых возможен переход от логики противостояния и конфронтации к логике объединения и взаимодействия.

Более того, гуманитарная экспертиза — это не просто средство для перехода к такой логике, в ней же самой этот переход и начинается осуществляться. Поэтому прилагательное «гуманитарная» в ее названии имеет не только тот смысл, что речь идет о человеке и человеческом, но и о ее возможностях в смысле гуманизации человеческих взаимоотношений и взаимодействий, об особом типе этих взаимоотношений и взаимодействий. С этой точки зрения мы обнаруживаем, что результат гуманитарной экспертизы никоим образом не ограничивается итоговым заключением, к которому пришла группа экспертов. Не менее важен и еще один результат — установление каналов, по которым и в дальнейшем может осуществляться взаимодействие, и формирование самих участников этого взаимодействия, осознающих и умеющих использовать его конструктивные возможности.

Представляется, что особую актуальность подходы и методы гуманитарной экспертизы приобретают именно сегодня, поскольку она выступает в качестве весьма перспективного инструментария для ослабления тех напряжений, которые возникают в ходе глубоких трансформаций существующих и зарождения совершенно новых социальных институтов.

## Примечания

- <sup>1</sup> См.: *Nico Stehr*. Expertise in Knowledge Societies. — In: Gotthard Bechmann and Imre Hronsky (eds.) *Expertise and Its Interfaces*. Berlin, 2003. P. 37.
- <sup>2</sup> Ibid. P. 41.
- <sup>3</sup> См. в этой связи, например: *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002; *F. Fukuyama*. *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. N. Y., 2002.
- <sup>4</sup> См.: *Юдин Б.Г.* Еще раз о перспективах человека // *Человек*. 2004. № 4. С. 19.
- <sup>5</sup> См.: *Ашмарин И.И., Юдин Б.Г.* Человеческий потенциал: опыт гуманитарной экспертизы // *Человек*. 1997. № 3. С. 76—85.
- <sup>6</sup> Эта проблематика рассматривается в кн.: *Психолого-педагогическая диагностика в образовании: опыт гуманитарной экспертизы* /Под ред. Б.Г.Юдина, Е.Г.Юдиной. М., 2003.